

AMY A. BARTOL

SECONDBORN

ЭМИ БАРТОЛ

РОЖДЕННАЯ
ВТОРОЙ

Москва
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б26

Amy A. Bartol
SECONDBORN

Copyright © 2017 by Amy A. Bartol

This edition is made possible under a license arrangement
originating with Amazon Publishing, www.apub.com,
in collaboration with Synopsis Literary Agency

Разработка серии и художественное оформление
Анастасии Ивановой

Бартол, Эми.

Б26 Рожденная второй / Эми Бартол ; [перевод
с английского Е. В. Николенко]. — Москва : Эксмо,
2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-111882-2

Однажды ты станешь чужой тем, кого любишь.

День Перехода. Кошмар наяву. За свои восемнадцать лет
Розель Сен-Сисмод слышала о нем бесконечно много. Но так и не
успела как следует подготовиться.

Она всегда была лишь вторым ребенком. Тенью, которая скоро
уйдет из обычной жизни... чтобы встать на защиту Республики.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Николенко Е., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111882-2

≈ Пролог ≈

Я смотрю, как заканчивается моя жизнь. Это одновременно мука и облегчение. Я не умираю, хотя мое сердце разрывается. В венах бешено пульсирует кровь. Гудит в висках, пока мать поднимается на трибуну. Тянет паузу, как профессиональный дирижер оркестра, ждет, пока утихнут аплодисменты. Она опытный политик, перед толпой во дворе держится спокойно. Смотрит внимательным взглядом в камеру, зная, какое впечатление ее мужество производит на граждан, собравшихся под балконом Дворца Мечей. Материнская жертва разбивает им сердца. Сторонники отобраны специально, чтобы засвидетельствовать историческое событие.

Дуновение утренней прохлады треплет выбившуюся из элегантного узла на затылке прядь каштановых шелковистых волос. Позади матери на ветру полощутся полуночно-синие флаги с изображением золотых мечей. Она прячет улыбку.

— Граждане Мечей и Республики! — начинает она. По территории поместья разносится мелодичный голос, слова, точно камни, обрушиваются на толпу под балконом, заставляя ту умолкнуть. — Сегодня нам угрожает не только внешний враг, но и внутрен-

ний. Участь некогда великой нации — в наших руках, особенно в этот день — День Перехода.

Я не могу подавить дрожь. День Перехода. За свои восемнадцать лет я часто слышала эти слова. Кошмар наяву. Люди, желая напугать, говорят: в один прекрасный день ты станешь чужой тем, кого любишь. С ума сойти...

Я всегда знала, что этот день наступит. Думала, буду готова. Я ошибалась.

На затылке выступают крошечные капельки пота. Я стискиваю руки в замок за спиной, чтобы никто не увидел, как они дрожат. Мои длинные каштановые волосы развеваются на ветру.

— За все время существования Республики ни один призыв не был таким жизненно важным, — говорит мать. — Мы втянуты в смертельный бой — кровопролитную гражданскую войну, которую разожгли предатели, поправшие законы Уделов, оспорившие само наше право на существование. Мы, Первороденные, должны править. Мы жертвуем всем ради защиты Республики. Рожденным вторыми оказана честь поддерживать благородную традицию — отдать жизнь своему Уделу и зову долга.

Она простирает руку в мою сторону, и все взгляды толпы обращаются на меня. Огромные виртуальные мониторы проецируют мое изображение. На экранах я куда больше, чем в жизни. Нужно изо всех сил сохранять спокойствие. Камеры видят все, и позже мое поведение будет тщательно проанализировано. Верность Уделам превыше всего.

Крошечные коричневые голографические мечи выделяются на лацканах моей новенькой формы цвета грязи. Тропо. Стараюсь не морщиться. Это эмблема самого низкого ранга второрожденных воинов. Пе-

хота — расходный материал. Горло сжимается. С трудом сглатываю, стараясь его расслабить. Успокаивает лишь высокая фигура Дюны рядом со мной. Мой ментор, капитан гвардии, проявил упорство и пришел на оглашение. Это значит для меня больше, чем я могу выразить. Он лучше заботится обо мне, чем моя собственная семья.

На лацканах Дюны мерцают серебряные мечи. Всегда надеялась, что в День Перехода надену такие же, хоть я и не перворожденная. Я бы охраняла Просветленного — главу одного из девяти Уделов Республики, — защищала бы от любой опасности. Как мою мать, Оталу Сен-Сисмод, Просветленную Удела Мечей. Одна из самых могущественных лидеров, она руководит вооруженными силами и подчиняется только Верховному командующему, Просветленному Удела Добродетели. Если бы мать присвоила мне звание ионо и назначила своим личным охранником, я бы доказала ей свою ценность. Тогда я бы смогла остаться с семьей и Дюной. Защищала бы их.

Но она этого не сделала.

Теперь-то я знаю, что это были только мечты. Мне никогда не стать одной из них. Я всегда была лишь вторым ребенком, тенью, которая скоро уйдет из их жизни.

Губы матери на морозе — нежно-розовые. Она понижает голос:

— И я не застрахована от страданий. Я не ставлю свои интересы выше интересов граждан истерзанного войной государства. Нет. Жертвы, которые мы все приносим, необходимы для выживания нации. Сегодня я отдаю общему делу свою единственную дочь, Розель. Мое сердце, мою жизнь, мое Второе дитя.

Слезы текут по лицам зрителей. Они думают, что хорошо меня знают. Я выросла на их глазах — пря-

мо перед камерами. Эти люди видели, как я сделала первые шаги, произнесла первые слова, проиграла первый бой, выиграла второй, упорно тренировалась с Дюной, чтобы когда-нибудь встать на защиту Республики и беречь ее суверенитет.

Глаза матери по-прежнему сухие.

— Возможно, Розель молода, — продолжает она, — но вы стали свидетелями того, как она превратилась в солдата. Она готова выполнить свой долг — вступить в ряды Мечей и сражаться с повстанцами Врат Зари, чтобы навсегда изгнать их с нашей земли, из нашего мира, из наших мыслей! — Рев аплодисментов оглушает. Мать прикусывает щеку изнутри. — Это печальный день для меня и моей семьи, но мы справимся. Мы будем счастливы знать, что нас защищает еще одна Сен-Сисмод.

Она поворачивается ко мне и присоединяется к аплодисментам. Я не двигаюсь. Все равно я их не признаю. Я — словно флаги, развевающиеся на ветру позади нас: символ, ведомый силой, которую не могу контролировать.

Мать склоняется к микрофону:

— Я бы хотела провести последние минуты с дочерью. Вы можете проследить путь Розель до Перехода, когда она покинет поместье. Спасибо за поддержку. Да здравствуют Уделы Республики!

— Да здравствуют Уделы Республики! — скандирует толпа, пока моя непобедимая мать сходит с трибуны.

Она расправляет плечи и проходит мимо, не посмотрев на меня.

Королева Мечей

Я направляюсь за матерью, ее личным помощником и четырьмя специалистами по связям с общественностью к застекленным дверям Дворца Сен-Сисмод. Клара, новенькая пиарщица, приносит Отале стакан воды, ждет, пока та сделает глоток, и забирает обратно, неуклюже облившись. Она промакивает капли кружевным платком, и блестящая метка, голографический символ, выступающий на тыльной стороне ее ладони, сверкает, как хрусталь.

Клара из Удела Алмазов. Среди аристократии Мечей долго не протянет. Даже жаль. Впрочем, у нее все равно не было выбора. Она второрожденная. Ее бросили в логово львам, и если она оступится, падать придется долго. Женщины, которые после Перехода не утвердились на своем месте, обычно в итоге оказываются в секторе развлечений. Я вздрагиваю. Вероятно, она станет игрушкой офицеров-первороденных.

Клара, покачиваясь на высоченных элегантных каблуках, семенит за моей матерью, старается не отставать от ее стремительного шага.

Мы входим во Дворец. Взгляд падает на каменный фронтон над дверями. Интересно, замечает ли Клара древних бойцов, вырезанных над бордюром, или наше

имя — Сен-Сисмод, — выгравированное на их мечах? Понимает ли она, что Сен-Сисмод были Просветленными Дома Мечей с незапамятных времен?

— А вот теперь пусть они попробуют меня осудить! — говорит мать.

Она шагает по полуночно-синему ковру, украшенному золотым термоядерным клинком: он зовется мечом Сен-Сисмод, в честь нашего предка, который его разработал.

Мать останавливается на острие лезвия и, торжествуя, охватывает себя руками.

— Ни один Просветленный никогда не отдавал больше меня! — Мать поворачивается к Эммицу, своему секретарю.

Тот сияет от гордости.

— Ваш Удел любит вас! — захлебывается от избытка чувств Камень Эммит, бешено рукоплещет. — И все девять Уделов!

— Так и есть, правда? — Отала приглаживает волосы, растворяясь в этом мгновении.

Будь она кошкой — замурыкала бы.

Дюна негромко ворчит.

— Можно было обойтись и без этого, — горько замечает он. — Розель еще слишком молода. Она не готова к войне!

Отала приходит в себя и с прищуром смотрит на ассистентов.

— Оставьте нас.

Клара и Эммит так торопятся покинуть комнату, что едва не сталкиваются у двери. Я поворачиваюсь, намереваясь выйти следом.

— Останься, Розель, — велит Дюна.

Я колеблюсь и смотрю на мать — позволит ли она. Но та молчит, дожидается, пока выйдут посторонние,

закрывает за ними бронзовые двери, а потом поворачивается к Дюне:

— Дело сделано, — насмешливо заявляет она.

— Ты можешь все отменить, — настаивает Дюна. — Спасти Розель!

Он застыл от едва сдерживаемого гнева, и лишь одна рука дергается у меча, висящего в ножнах на талии. Я смотрю во все глаза — хорошо знаю эту агрессивную позу. Он так всегда делает перед атакой.

— Ты ее недооцениваешь, — отвечает мать. — Розель стойкая и выживет в любой ситуации. В ней моя кровь.

— Ты прольешь эту кровь!

Дюна прищуривает глаза песочного цвета, а потом угрожающе шагает к матери. Я реагирую автоматически — встаю между ментором и Просветленной, как меня учили. При этом кладу руку на эфес собственного оружия. С недвусмысленным предостережением смотрю на Дюну.

— Видишь? — Он машет рукой в мою сторону. — Она лишь хочет защитить тебя, Отала. Не нужно ее бояться. Розель никогда не навредит ни тебе, ни Габриэлю. Она любит вас.

— Ты о ней слишком печешься, — шипит мать.

Она обходит кушетку, обитую золотистым шелком, так, чтобы та оказалась между ней и нами. Дюна скрежещет зубами. Не совсем понимаю, в чем его обвиняют.

— Разумеется! Я учил ее с тех пор, как она начала ползать. — Дюна потирает темную утреннюю щетину на подбородке. — Я всегда обращался с ней с уважением.

— О, да. Вы так близки. Она смотрит на тебя как на отца!

— Мы с тобой знаем, что ее собственный отец ею не интересуется.

Отала машет рукой, словно прогоняет призрак мужа из комнаты, а может, и из собственной жизни.

— Кеннет не любит привязываться. Но ты воспитывал ее как свою дочь. Научил всему, что знаешь: как быть лидером, воином — тем, кто однажды сможет возглавить Удел.

— Я пытался подготовить ее к любой ситуации.

Ноготками, усыпанными драгоценными камнями, мать вцепляется в спинку кушетки.

— Ты просто хочешь избавиться от всего, что стоит у нее на пути!

Дюна потирает глаза. На какое-то мгновение он кажется старше своих тридцати восьми лет.

— Так это твоя месть мне! Я сам решил закончить наши отношения, Отала. Розель ни при чем.

— Еще как при чем, Дюна. Ты ее ментор. Нам обоим известно: если что-то случится со мной или Габриэлем, она станет Мечом, — рычит мать, ее губы дергаются.

Моя ладонь, все еще лежащая на серебряной рукоятке оружия, влажнеет от пота. Дюна смотрит на меня, и его взгляд смягчается.

— Твоя дочь не имеет ни малейшего представления, о чем ты, Отала. Она воспитана в рыцарских традициях. Все ее помыслы лишь о том, как заслужить твою любовь, а не отнять власть.

Мать поднимает синие глаза.

— Даже если эта мысль никогда не возникала в ее голове, она все равно слишком опасна, Дюна. Я должна защитить Габриэля. Когда-нибудь он, а не Розель, встанет во главе Удела Мечей. Это неотъемлемое право моего сына.

Я сконфуженно поворачиваюсь к матери:

— Я никогда не наврежу брату. Я хочу служить ему, защищать его.

Губы матери, обычно такие мягкие, сжимаются в тонкую линию.

— Это ты сейчас так говоришь, Розель. А что ты скажешь через несколько лет? Габриэль женится, заведет детей. А ты поймешь, что у тебя никогда не будет семьи. Тебе никогда не взять на руки ребенка, не назвать его своим. Габриэль унаследует все деньги и собственность. Твой единственный вариант до конца жизни — служба государству. Что ты сделаешь, осознав это? Ты второрожденная. Твоя жизнь принадлежит Республике. Лучше покинуть нас сейчас. Резкие перемены легче, чем мучительно медленный путь к собственной участи.

— Легче для тебя, ты имеешь в виду? — Широко распахиваю глаза от собственной дерзости. Но на сей раз мать не замечает нарушения протокола.

— Когда ты уйдешь, всем нам станет легче.

Дюна сердито смотрит на Отала.

— Ты могла дать ей звание ионо! Она бы служила в твоей гвардии или у кого-то из Просветленных. Розель бы...

— Даже если я признаю, что она не представляет угрозы для Габриэля, — прерывает его Отала, — а я этого не сделаю, и назначу ее офицером-ионо, чтобы она защищала другого Просветленного, каждый второрожденный из высокопоставленной семьи будет вопить о протекции родне! — Мать отпускает спинку кушетки и принимается вышагивать по комнате.

— Думаешь, я поверю, что ты именно поэтому сделала ее тропо? — восклицает Дюна. — С тем же успехом можно бросить ее волкам, Отала, и ты это

знаешь. И ради чего? Чтобы тебе не пришлось выслушивать чьи-то жалобы? Раньше они тебя никогда не волновали. Второрожденные могут сколько угодно стонать о несправедливости, но тебе всегда удавалось их укротить.

Мать останавливается.

— Я просто указываю им их место!

— И после этого ты еще удивляешься, почему рожденные вторыми восстали? Тебе плевать на их страдания.

— Страдания? — брезгливо бросает мать. — Не хочешь ли ты перейти на сторону Врат Зари? Это предательство!

— Тебе, как никому, известно, что я верен Уделу Мечей и Республике. Я воевал за нее с рождения.

— Со дня, когда стал перворожденным, — поправляет она. — Не забывай, что ты один из нас, Дюна!

— Отала, образумься! Как только Розель пройдет обработку, она станет их рабыней. Они могут отправить ее на передовую!

— Ей всего восемнадцать. К тому же она Сен-Сисмод. Наши офицеры не идиоты.

— Так ты даже никуда ее не определила? Собираешься предоставить решать, как сложится жизнь твоей дочери, командующему составу или алгоритму, которым они пользуются?

— Я должна верить, что наш Удел и есть наша участь, Дюна. Иначе выходит, что Врата Зари правы. Мой отец верил в систему. Он позволил своему второму ребенку совершить обычный Переход. Будь отец еще жив — ожидал бы от меня того же самого.

— Баззл умер через месяц после Перехода.

— Он с честью служил Республике, — неубедительно возражает она.

Мать садится за рабочий стол и смотрит на нас сквозь прозрачные сенсорные экраны.

— Твой брат заплатил за то, что его отец был Верховным Мечом, Отала. Его смерть была отмщением: некоторые второрожденные сочли, что система, сделавшая их рабами, несправедлива.

Дюна хватается за руку, тащит к столу матери и показывает ей тыльную сторону моей кисти. Чип в форме горящего меча, вживленный в кожу между большим и указательным пальцами, светится золотом. Моя метка — это и есть я. В ней хранится вся информация: от имени до возраста, адреса и профиля ДНК. Все, что делает меня мной, можно определить с помощью сканирования. А еще внутри коды, которые позволяют путешествовать по Уделу Мечей и остальным восьми Уделам.

— Как только Розель обработают и выяснят, чья она дочь, — говорит Дюна, — ее заставят страдать за решения, которые ты принимала как Верховный Меч. Ты этого хочешь?

Отала бросает взгляд на мою кисть. Я быстро забираю руку у Дюны и прячу ее за спину. Мать всегда раздражала моя метка. Она не такая, как у всех. Поверх нее у меня маленькая серповидная родинка. Она частично скрывает голографическое изображение с импланта, просвечивающее через кожу, и голограмма выглядит так, словно острие меча окружено темной короной. Габриэль дразнил меня, называя королевой Мечей.

— Им не нужно проверять ее метку, чтобы узнать, кто она. Ее лицо повсюду. Розель выросла на их глазах.

— Тебе вообще плевать? — потрясенно распахивает глаза Дюна.